

Ф.А. РОТШТЕЙН И ПЕРВЫЕ ШАГИ СОВЕТСКОЙ ДИПЛОМАТИИ В ИРАНЕ (1921–1922 гг.)

Статья посвящена деятельности Ф.А. Ротштейна на посту советского полпреда в Иране в 1920–1921 гг. Анализируется роль Ротштейна в ликвидации советской республики в Гиляне, свержении кабинета Кавам эс-Салтане, создании основ «Национального блока», изменении советским руководством подхода к проблеме концессии на нефтяные месторождения Северного Ирана. Отмечены субъективные и объективные факторы, повлиявшие на характер принимаемых полпредом решений. Исследуются участие Ротштейна во внутривластной жизни Ирана тех лет, его взаимоотношения с представителями иранских правящих кругов, прежде всего с Реза-ханом.

Ключевые слова: Иран; Ф.А. Ротштейн; советско-иранские отношения.

Российско-иранские дипломатические отношения, уходящие корнями во времена Ивана Грозного, не раз пережили в своем развитии ряд поворотных моментов. Так, на рубеже 1920-х гг., когда закладывались основы взаимоотношений между Советской Россией и Ираном, происходило столкновение идеологических догм и практики, поиск новых и использование сложившихся методов и средств дипломатии. В условиях становления внешнеполитической стратегии Москвы, поиска новых форм политических и экономических отношений со странами Востока, быстро изменяющейся внутривластной ситуации в Советской России и Иране первые советские полпреды были не простыми исполнителями директив, но непосредственными акторами складывающихся межгосударственных отношений.

Ведущие исследователи советско-иранских отношений изучаемого периода (С.Л. Агаев, С.М. Алиев, В.Л. Генис, М.С. Иванов, М.Н. Иванова, М.А. Персиц, А.Н. Хейфец и др.), к сожалению, оставили деятельность Ф.А. Ротштейна на посту полпреда в этой стране слабо освещенной (за исключением его позиции по отношению к советской республике в Гиляне). Более широкую, но, наш взгляд, несколько упрощенную картину деятельности этого полпреда дал З.А. Арабаджян, представивший его «мастером политической интриги», широко использующим различные методы, в том числе и подкуп, в своей деятельности [1. С. 62–64]. Схожую картину Ротштейна, как политика «макиавеллиевского типа», мы находим у М.И. Володарского, который, впрочем, свои некоторые утверждения (как, например, о ведущей роли Ротштейна в свержении кабинета Сеид Зия эд-дина Табатабаи, об увольнении Реза-ханом «под диктовку» полпреда большой группы британских офицеров из иранских воинских частей) не подкрепляет ссылками на какие-либо источники [2. С. 87–89].

Западные ирановеды периода существования СССР (М. Сикер, Тулсирам З. Сепехр, Л. Фишер, Н. Фатем, Х. Капур, Дж. Ленчовский, М. Годс и др.), описывая советско-иранские отношения начала 1920-х гг., упоминали фактически лишь антибританскую пропагандистскую работу Ротштейна и случающиеся на этой почве конфликты с иранскими властями. В постсоветский период в центре внимания ведущих западных ирановедов (Э. Абрахамяна, А. Ансари, Х. Катузияна, Н. Кедди, С. Кронин и др.) оказались собственно иранские внутривластные процессы. Поэтому

здесь мы можем выделить лишь Х. Чакери, который в своем исследовании истории гилянкой революции указал, что вмешательство Ф.А. Ротштейна и членов его миссии способствовало падению республики в Гиляне и гибели Кучек-хана [3. Р. 349–356, 360–363].

В предлагаемой статье мы даем более разностороннюю картину деятельности Ф.А. Ротштейна в Иране и показываем, что ее результаты оказали влияние на формирование советско-иранских отношений.

Важное стратегическое положение, а позже и природные богатства Ирана привлекали внимание могущественных соседей, прежде всего Российской и Британской империй, ставших доминирующими силами в этой стране к концу XIX в. Оставаясь формально независимой страной, Иран к этому времени был экономически и политически подчинен своим могущественным соседям, которые в 1907 г. поделили его территорию на сферы влияния. Первая мировая война изменила status quo, когда царская Россия, не выдержав ее тягот, рухнула, а пришедшие к власти большевики заявили о своем отказе от прежней империалистической политики в отношении Ирана, аннулировали все неравноправные договоры и соглашения и вывели войска с иранской территории.

Вместе с тем, несмотря на первые дружественные шаги РСФСР и начавшиеся советско-иранские контакты, дальнейшее развитие двухсторонних отношений зашло в тупик, вызванный политикой Великобритании. Воспользовавшись выводом российских войск и дезорганизацией Российского государства, Лондон фактически установил военный, политический и финансовый контроль над этой страной, юридическим оформлением которого должно было стать англо-иранское соглашение 1919 г. В таких условиях попытки Москвы установить дипломатические связи с Ираном через Н.З. Бравина и И.О. Коломийцева оказались безуспешными.

В итоге советское руководство пересмотрело свою первоначальную позицию по отношению к официальному Тегерану (обращение «К рабочим и крестьянам Персии») и начало поиск союзников в этой стране. Таким союзником стал действовавший в Гиляне и знакомый большевикам еще со времен Конституционной революции 1905–1911 гг. лидер дженгелийцев Кучек-хан.

Советизация Азербайджана и уход белогвардейского флота в иранский порт Энзели создали условия для проведения военной операции на территории со-

седнего государства и образования в Гиляне Персидской Советской Социалистической Республики. Вместе с тем правительство РСФСР проявило осторожность и воздержалось от ее официального признания, осуществляя военную и иную помощь через Советский Азербайджан. Также советское руководство согласилось принять иранскую делегацию для ведения переговоров и, таким образом, оставило себе возможность для политического маневра при любом исходе дел.

Заключенный при поддержке большевиков союз дженгелийцев с иранскими коммунистами оказался непрочным, военный поход на Тегеран провалился, и уже осенью 1920 г. в Москве стали понимать, что перспектив для революции в Иране нет. Вместе с тем события в Гиляне оказали серьезное влияние на внутривнутриполитическую ситуацию в этой стране, похоронив надежды Форин-офис на ратификацию соглашения 1919 г. Кроме того Тегеран стал все более склоняться к политике привлечения третьей силы в Иран, для чего вступил в переговоры с правительством США и представителями американского бизнеса.

В Советской России в это время также происходило изменение внешнеполитической стратегии, направленное на установление дипломатических и торговых отношений с капиталистическими странами. В связи с этим республика в Гиляне вскоре стала предметом торга на советско-британских и советско-иранских переговорах. Используя ее как средство давления на Лондон и Тегеран, Москва добилась заключения торгового соглашения с Великобританией, вывода ее войск из Ирана и подписания 26 февраля 1921 г. советско-иранского договора.

Успешные советско-иранские переговоры поставили вопрос об отправке советской дипломатической миссии в Иран, возглавить которую выпало Федору Ароновичу Ротштейну, назначенному на этот пост при содействии Г.В. Чичерина [4. С. 322]. В логике многолетнего англо-русского соперничества в Иране кандидатура Ротштейна, журналиста и политического деятеля, прожившего в Великобритании около 30 лет, казалось, как нельзя лучше подходила для этого.

Несмотря на подписание договора между РСФСР и Ираном (который еще оставался нератифицированным), практически все важнейшие вопросы и проблемы двухсторонних отношений к моменту приезда миссии Ф.А. Ротштейна в Тегеран оставались неурегулированными. Полпреду необходимо было выстроить отношения с иранскими правящими кругами и в то же время поддержать рабочее движение, иранскую компартию и всех тех, кого в Москве относили к «демократическим элементам». Необходимо было ослабить влияние Лондона на политическую жизнь этой страны и способствовать развитию советско-иранских отношений, в то время как в Гиляне еще существовала советская республика.

За несколько дней до подписания советско-иранского договора в Тегеране произошел переворот, который привел к власти правительство во главе с Сеид Зия эд-дином Табатабаи. Новый премьер, несмотря на публичную денонсацию соглашения 1919 г., решил нанять британских офицеров для реформирования вооруженных сил, а британских должностных лиц – для

работы в министерствах финансов и общественных работ. Эти действия не могли не вызвать беспокойство советского руководства, однако на помощь ему пришла разгоревшаяся борьба за власть, закончившаяся отставкой Сеид Зия и его бегством из Тегерана 25 мая 1921 г.

Как указывает М.И. Володарский, Ротштейн принял активное участие в свержении кабинета Сеид Зия [2. С. 88–89]. На причастность полпреда фактически указывает и З.А. Арабаджян [1. С. 63]. Однако современник тех событий, британский посланник Г. Норман, так и не смог найти каких-либо прямых доказательств участия Ротштейна в свержении Сеид Зия [5. Р. 48]. Дальнейшие события показали, что советский полпред вмешивался в иранскую внутривнутриполитическую жизнь, однако имевшегося с момента прибытия миссии времени (одного месяца) было явно недостаточно, чтобы оказать влияние на ход внутривнутриполитической борьбы.

Вместе с тем Ротштейн решил воспользоваться данной ситуацией и попытался упрочить свое влияние в правительственных кругах. Прежде всего его внимание привлек военный министр и командующий казачьей дивизией Реза-хан, который сравнил решение Сеид Зия нанять британских офицеров с продажей иностранцам «души народа» [Ibid. Р. 47]. Подобные заявления Реза-хана, придавшие ему образ борца с британским влиянием и его контроль над вооруженными силами, подтолкнули Ротштейна к привлечению военного министра на свою сторону. В это время военный атташе советского полпредства Б.П. Рогачев каждый день встречался с Реза-ханом для обсуждения различных вопросов [6. Р. 73]. Кроме того, Ротштейн смог наладить контакты с новым премьер-министром Кавам эс-Салтане и уже 20 июля сообщил Чичерину, что его влияние в Тегеране настолько велико, что он может отклонять или рекомендовать кандидатуры на руководящие должности [7. Л. 26].

Приезд советской миссии в Тегеран пришелся на период пробуждения общественно-политической жизни страны, открытия после длительного перерыва межджлиса, активизации деятельности политических партий и прессы. Общественное мнение начинало играть более заметную роль, и Ротштейн, учитывая и достаточно либеральное законодательство (согласно ст. 20 Основных законов цензура для печатных изданий отсутствовала), решил сделать ставку на печать. Советское полпредство не только оказывало прессе материальную поддержку и предоставляло ей новостные материалы, но и использовало ее для формирования общественного мнения.

Связи Ротштейна с Реза-ханом и Кавам эс-Салтане вскоре, казалось, начали приносить плоды: британские офицеры и советники были уволены, корпус южно-персидских стрелков распущен. Британский посланник Г. Норман в телеграмме Дж. Керзону указывал на растущее влияние РСФСР и высказывал опасение повторного превращения казачьей дивизии в инструмент российского влияния [8]. Однако последующие события показали несостоятельность подобных утверждений и временный характер связей Реза-хана с советским полпредом.

Тесные контакты Ротштейна с иранскими правящими кругами и использование полпредом бывших царских служащих вызвали недовольство части сотрудников советской миссии и представителей иранской компартии. Ротштейна обвиняли в том, что он, увлекшись связями с сановниками, не установил контакты с профсоюзами, студенчеством, представителями национальных и религиозных меньшинств, демократическими и революционными организациями – всеми теми, на кого, по мнению критиков полпреда, он и должен был обратить свое внимание [9. Л. 107–107 об.; 10. Л. 7 об.; 11. Л. 4–4 об.].

Из Народного комиссариата по иностранным делам Ротштейну указывали, что его близость к иранским правящим кругам может негативно отразиться на симпатиях к Советской России со стороны крестьян и «революционных элементов». Полпреду напоминали, что политика РСФСР в Иране не ограничивается освобождением этой страны от «иностранного засилья», а направлена на развитие «всех прогрессивных движений». В связи с этим ему предписывалось обратить больше внимания на установление контактов с городской буржуазией, профессиональными союзами и ремесленниками, представителями религиозных меньшинств и племенами в провинции [12. Л. 14–15; 13. Л. 48–49]. Ротштейн отрицал обвинения в свой адрес, однако его заявления показывали, что он не видел иной альтернативы проводимой им политики. Так, полпред указывал Чичерину, что в Иране «народные низы» не организованы, а мелкая буржуазия, средние слои не представляют активной политической силы и неспособны на самостоятельные выступления [14. Л. 48; 15. Л. 148].

Гилянская республика, тем временем, оставалась одной из важнейших проблем советско-иранских отношений. Политбюро определило свою позицию еще в конце 1920 г., приняв решение о выводе «азербайджанских» войск и прекращении военной помощи Гилян. При этом Г.В. Чичерин напрямую указывал Политбюро на необходимость ликвидации республики [16. Л. 127]. Однако подобное развитие событий не устраивало правительство Советского Азербайджана и руководителя Кавбюро ЦК РКП(б) Г.К. Орджоникидзе, которые продолжали направлять в Гилян оружие и добровольцев.

Сам Ротштейн уже в первые дни пребывания в Тегеране четко обозначил свое отношение к этой проблеме, заявив, что «гилянский Карфаген должен быть разрушен» [17. Л. 27 об.]. Советский полпред пребывал в эйфории от того доброжелательного приема, с которым он встретился в Иране и телеграфировал в Баку, что его «триумфальное шествие» по северу Ирана «закончилось настоящим апофеозом в Тегеране» [18]. Указывая на свои связи и влияние в иранских политических кругах, Ротштейн уверял Чичерина, что «за исключением небольшой придворной клики все... на нашей стороне» [19], а фронт в Гиляне только мешает установлению «теснейших отношений» с иранским правительством, ищущим «спасения» у Советской России от «интриг англичан» [20]. В связи с этим полпред рассматривал гилянскую республику как досадное препятствие на пути проводи-

мой им политики. Чичерин разделял подобные взгляды Ф.А. Ротштейна и позже убеждал В.И. Ленина и М.Д. Гусейнова (наркоминдел АзССР), что отказ от поддержки «инсургентов» ослабил позиции англичан в Иране и что гилянский фронт только мешал влиянию Ротштейна в Тегеране [21, 22].

В деле ликвидации гилянской республики Ротштейн решил действовать двумя путями. С одной стороны, он настойчиво разоблачал попытки Баку посылать в Гилян оружие и добровольцев и требовал от Москвы их пресечения. С другой – полпред решил включиться в переговоры между иранскими властями и Кучек-ханом и ускорить их. Ротштейн стремился добиться ликвидации республики мирным путем и сдерживал порывы Реза-хана провести силовую операцию в Гиляне.

Миролюбие полпреда имело под собой веские основания. Во-первых, Ротштейн опасался возможного ухода Кучек-хана в гилянские леса и продолжения им партизанской войны, в чем сам признавался Г.В. Чичерину [23. Л. 38]. Во-вторых, правительство и вооруженные силы гилянской республики формировали и представители иранской компартии. Иранские коммунисты под руководством Гейдар-хана учли свои прошлые ошибки, провели чистку рядов, приняли новую партийную программу (январь 1921 г.), восстановили единый фронт с Кучек-ханом (май 1921 г.) и не желали сдавать позиции в Гиляне. Наоборот, как указывает В. Генис, Гейдар-хан враждебно относился к переговорам Кучек-хана с Ротштейном и стремился сорвать их, доказывая, что центральное правительство доживает последние дни [4. С. 423]. В таких условиях военная операция Реза-хана привела бы или к крушению республики с уничтожением находящихся в Гиляне коммунистов или, в случае ее неудачи, к затягиванию конфликта. И то и другое было для советского полпреда неприемлемо, и он в ходе переговоров стремился склонить Кучек-хана прийти к соглашению с Тегераном и ликвидировать республику. Аналогичное предложение было сделано и Гейдар-хану 25 сентября 1921 г.

Однако внутренние разногласия в Гиляне привели к тому, что в конце сентября Кучек-хан выступил против своих союзников, единый фронт рухнул, а Гейдар-хан был убит в разгоревшейся междоусобице. Наступило время решительных действий, и уже 2 октября советский консул Хавин, встретившись с Эхсанулла-ханом и Халу-Курбаном, получил их согласие на отказ от вооруженной борьбы и ликвидацию республики [24. Л. 43]. Работа велась и в отношении иранских коммунистов, фактически обезглавленных после гибели Гейдар-хана, и добровольцев из Советского Азербайджана: всем российским и азербайджанским подданным была обещана амнистия [3. Р. 360]. В отношении иранско-подданных амнистия, по просьбе советской стороны, была объявлена и командующим войсками Реза-ханом [25. Л. 76–77]. Оставалось решить вопрос с Кучек-ханом, который не спешил отвечать на ультиматум Ротштейна. Тогда советский полпред оставил свою посредническую позицию, дав возможность Реза-хану приступить к военной операции в Гиляне. Кучек-хан, оставшись без

союзников, проиграл все сражения и попытался скрыться в лесах. До сих пор лесные дебри Гиляна были для него надежным убежищем, однако на этот раз шахские казаки при поддержке бывших дженгелийцев не оставили ему никаких шансов на спасение.

Хосров Чакеи указывает, что вмешательство Ф.А. Ротштейна и членов его миссии способствовало разложению революционного фронта в Гиляне, падению республики и гибели Кучек-хана [3. Р. 349–356, 360–363]. В.Л. Генис также считает, что советский полпред «сыграл немалую роль в разгроме гилянского повстанчества» [4. Л. 425]. Действительно, Ф.А. Ротштейн с первых дней своего прибытия в Тегеране высказывался в пользу ликвидации гилянской республики и приложил для этого немало усилий. Полпред был глубоко убежден в отсутствии революционных перспектив в Иране и питал личную неприязнь к Кучек-хану и другим лидерам гилянской республики (Эхсанулле-хану и Халу-Курбану) [23. Л. 37–39; 26. Л. 39]. Известие о начавшейся в Гиляне кровавой междоусобице он встретил с нескрываемым удовлетворением [23. Л. 37]. Поэтому Ротштейн, не получив от Кучек-хана ответа на свой ультиматум, дал возможность Реза-хану расправиться с ним. Вместе с тем мы согласны с Фредом Хэллidayем в том, что гилянское движение, имея локальный характер и оказавшись расколотым внутренне, могло выжить только опираясь на внешнюю, советскую поддержку, которая в сложившихся международных условиях не могла быть продолжительной [27. Р. 23–24]. Однако сроки и формы процесса ликвидации гилянской республики могли быть иными.

Падение гилянской республики и последовавшая за этим гибель Кучек-хана были не просто ликвидацией очередного антиправительственного восстания, но фактически ознаменовали собой завершение того периода взаимоотношений большевиков с иранскими революционерами, который начался еще во времена Конституционной революции 1905–1911 гг. и с перерывами продолжался до начала 1920-х гг. Большевики, будучи в царской России революционной и внесистемной партией, активно поддерживали революционеров в соседнем Иране. Победив в Гражданской войне и оказавшись в новой внутри- и внешнеполитической ситуации, большевистское руководство предпочло пересмотреть свои прежние взгляды и поддерживать те силы в соседней стране, которые, на его взгляд, стремились к созданию сильного и централизованного государства. С внешнеполитической точки зрения это сулило ослабление влияния империалистических держав в Иране (и, прежде всего, Великобритании), а с точки зрения идеологии – становление Ирана на путь развития капитализма и связанного с ним формирования рабочего класса и буржуазной демократии. «Закрытие» гилянского «проекта», создавшее «ореол победителя» для Реза-хана и ставшее важным шагом на пути его восхождения к единоличной власти в стране, в будущем не оставило Москве большого выбора в поиске возможного лидера, могущего поставить Иран на путь развития и реформ. В первой половине – середине 1920-х гг. в советском ирановедении фактически сложилась целая школа

(укомплектованная в значительной степени из бывших или действовавших сотрудников НКВД – В.А. Гурко-Кряжина, Иранского (С.К. Пастухова), Ирандуста (В.П. Осетрова), Мирзы (Ф.А. Ротштейна)), смотревшая на деятельность Реза-хана как на прогрессивное явление, способствующее усилению независимости Ирана и его переходу от полуфеодальной к буржуазной, капиталистической стадии развития. И даже разгром иранской компартии и профсоюзов и восхождение Реза-хана на шахский трон первоначально не изменили благожелательного отношения к нему Москвы. Наступившее позднее разочарование в конечном счете привело к вторжению советских войск в Иран в 1941 г. и последующим событиям.

Разгром республики и гибель Кучек-хана вызвали резкую критику в адрес Ф.А. Ротштейна. Утверждения полпреда, что он в течение долгого времени «удерживал» шахские войска от наступления на Гилян и пытался «спасти» Кучек-хана [25. Л. 73–75; 26. Л. 38–39], не уберегли Ротштейна и членов его миссии от обвинений в фактическом содействии гибели лидера дженгелийцев и разгрому республики [9. Л. 106–107; 10. Л. 6 об., 8, 10; 11. Л. 4–5 об.; 28]. Ряды противников полпреда пополнил и И.В. Сталин, предложивший Ленину отозвать Ротштейна [29]. Поэтому, несмотря на заступничество Г.В. Чичерина, утверждавшего, что альтернативой была бы «большая война с Англией» [22], единственной возможностью для Ротштейна доказать правильность своих действий оставалось удачное разрешение двухсторонних вопросов и проблем. Однако падение гилянской республики, на наш взгляд, выбило тот серьезный рычаг влияния на Тегеран, который имела советская сторона.

Первый серьезный конфликт Ротштейна с иранским правительством, приведший к публичному скандалу и отставке иранского министра иностранных дел, был связан с делом беглого советского служащего Азрыленко. Арестованный с помощью казаков Реза-хана, он сбежал из-под надзора иранских властей и укрылся на территории французской дипмиссии в Тегеране. Посчитав, что безнаказанность может стать примером для подражания другим, Ротштейн 25 августа предъявил ноту протеста иранскому правительству, угрожая отъездом в Москву и разрывом дипотношений. Личное вмешательство шаха разрядило обстановку, и Ротштейн забрал ноту назад. Тем не менее выступление полпреда спровоцировало министерский кризис и отставку министра иностранных дел, хотя и привело к желаемому результату: 10 сентября 1921 г. дело Азрыленко было передано в иранский суд [30. Л. 153].

Действия Ротштейна в деле Азрыленко хотя и уменьшили вероятность повторения подобных ситуаций, в то же время способствовали министерскому кризису, который затянулся до октября, и испортили отношения с Кавам эс-Салтане, что не замедлило негативно сказаться на ходе советско-иранских дел. В итоге в ситуацию был вынужден вмешаться Г.В. Чичерин, который в ноте от 29 октября 1921 г. указал Мошавер-оль-Мемалеку на уклонение иранской стороны от вступления в переговоры о заключении торгового договора, консульских и почтово-телеграфных соглашений и упрекал Тегеран в затягивании перегово-

воров по использованию рыбных промыслов южного побережья Каспийского моря [31].

Проблемы возникли и с ратификацией советско-иранского договора. Комиссия меджлиса по иностранным делам, приступив 10 ноября 1921 г. к его рассмотрению, высказала несогласие со ст. 13 (запрещающей передачу бывших российских концессий третьим государствам или их гражданам) и ст. 14 (предоставляющей Ирану право свободного экспорта товаров через Россию, но не оговаривающей свободы импорта). В связи с этим 23 ноября Ротштейн обратился с нотой к иранскому правительству, указывая на недопустимость затягивания ратификации договора. Через два дня, 25 ноября 1921 г., он объяснял Чичерину, что подобное поведение Тегерана объясняется его уверенностью «в безнаказанности ввиду нашей внутренней и международной слабости» [32].

Была и другая причина затягивания ратификации договора, о чем Ротштейн также сообщал наркому. За послевоенные годы Великобритания, а также контролируемые англичанами Англо-персидская нефтяная компания (АПНК) и Шахиншахский банк сумели превратиться в единственных кредиторов Тегерана, который уже не мог обходиться без займов. Отставка Сеид Зия эд-дина, увольнение английских советников и офицеров, а также политика, направленная на привлечение финансовой и организационной помощи из США, привели к прекращению финансирования кабинета Кавам эс-Салтане англичанами. В таких условиях американская компания «Стандарт ойл» высказала интерес к возможности получения концессии на нефтяные месторождения северных провинций Ирана в обмен на предоставление займа. Иранское общественное мнение и пресса приветствовали предложение «Стандарт ойл» [33. Л. 149], а 22 ноября 1921 г. самые разнообразные политические силы Ирана, представленные в меджлисе, проголосовали за данный законопроект. Даже в ЦК иранской компартии посчитали, что в случае нахождения у власти «демократического правительства» предоставление концессий иностранным компаниям «было бы лишь желательным и в интересах общей политики РСФСР» [11. Л. 5]. Британский посланник П. Лорейн указывал, что в это время в умах иранцев господствовала мысль о том, что «спасение [Ирана] придет из Америки» и что с помощью США Иран быстро восстановит свое былое величие [34. Р. 364].

Данное решение Тегерана, по мнению Москвы, нарушало условия ст. 13 советско-иранского договора, так как новая концессия включала в себя области, переданные еще в марте 1916 г. российскому подданному А.М. Хоштария. Тегеран в свою очередь отказался признавать советские требования и сослался на недействительность концессии Хоштария, которая была предоставлена российскому подданному без ее ратификации меджлисом.

В числе тех, кто поддерживал получение концессии американцами, был и Реза-хан. Еще летом 1921 г. он озвучил свои планы по строительству новой армии, но все запланированные преобразования требовали больших затрат. Реза-хан мог получить финансы либо захватом источников бюджетных доходов, чем

он и начал заниматься, либо получением иностранных займов. Подобная позиция военмина вызвала недовольство Ротштейна и привела к охлаждению отношений между ними. В беседе с британским военным атташе 7 декабря 1921 г. Реза-хан заявил, что он находится «в плохих отношениях» с Ротштейном, который «был в ярости» от передачи нефтяной концессии американцам [35]. Впрочем, к этому времени Реза-хан сам во многом утратил интерес к Москве, которая не могла обеспечить его финансами, а после падения гилианской республики утратила и возможность влиять на Тегеран силовым путем. Сам Реза-хан прояснил свою позицию британскому военному атташе, заявив, что после победы в Гиляне «он больше не боится русских» [Ibid].

Видя, что правительство и общественное мнение Ирана настроены в пользу предоставления концессии американцам, Ротштейн предложил Москве изменить подход к данной проблеме. Еще 8 ноября 1921 г. он справедливо указывал, что РСФСР не может играть роль «собаки на сене» и посоветовал оказать поддержку в получении концессии «нейтральной» (т.е. не связанной с англичанами) стороне (Бельгия, Германия) [36. Л. 69]. После состоявшегося предоставления концессии американцам Ротштейн предложил Чичерину согласиться с уже вынесенным меджлисом решением, если, конечно, Советская Россия сама не сможет заполучить оспариваемой концессии [37. Л. 89]. Доводы Ротштейна встретили понимание у Чичерина, который обратился лично к В.И. Ленину и в РВС Республики, а также предупредил членов Политбюро ЦК РКП(б), что если Москва не пойдет навстречу Тегерану в его желании передать концессию на разработку нефти в северных провинциях иностранной компании, то правительство Ирана может решить этот вопрос без учета мнения Кремля [38, 39]. Позиция НКВД сыграла свою роль, и советское руководство изменило взгляд на возможность получения концессии на нефть «нейтральной» иностранной компаний.

В свою очередь Ф.А. Ротштейн в ноте от 12 декабря 1921 г. указал на возможность проведения переговоров по изменению ст. 13 и 20 советско-иранского договора [40. С. 799]. Данное обещание удовлетворило Тегеран, и через два дня договор был ратифицирован меджлисом.

Потеряв поддержку в правительственных кругах и прислушиваясь к критике из Москвы, Ротштейн решил интенсивнее работать с профсоюзами, иранской компартией и социал-демократической партией («Эджтемайуне аммийун»), в лице которых он надеялся найти политическую опору. При участии полпреда они начали создавать политическое объединение, получившее впоследствии название «Национальный блок». Первой пробой сил нового объединения стала кампания против кабинета Кавам эс-Салтане. Целью были поставлены его «свержение», создание «благоприятной конъюнктуры» для работы иранской компартии и профсоюзов, телеграфировал позже в Москву Ротштейн [41]. Тяжелая финансовая ситуация благоприятствовала этому замыслу: 24 декабря 1921 г. в Тегеране началась трехнедельная заба-

ставка преподавателей правительственных школ, не получавших заработную плату несколько месяцев, которых поддерживали ученики и студенты. Начались волнения среди солдат, которые также не получали своего жалования. В это время коммунисты с профсоюзами, частью депутатов-социалистов и редакторами некоторых газет образовали стачечный комитет, совместно выступая против кабинета в меджлисе и на улицах Тегерана [33. Л. 152–153; 41]. В итоге 20 января 1922 г. правительство, неспособное справиться с финансовым кризисом, подало в отставку. Новый кабинет возглавил Мошир од-Доуле (Хасан Пирния), который считался «националистом» и сторонником равных взаимоотношений как с РСФСР, так и с Великобританией.

Ротштейн возлагал большие надежды на правительство Мошир од-Доуле. Тридцатого января 1922 г. он писал Чичерину, что «долгожданный кабинет» Мошир од-Доуле воплощает собой «уход от английского влияния и приближение» к РСФСР [15. Л. 143]. Полпред просил у Москвы денег для поддержки нового кабинета, что, по его мнению, могло бы укрепить положение РСФСР в Иране и «уничтожить домогательства Англии». Со своей стороны он обещал способствовать проведению ряда реформ [Там же. Л. 148].

Однако внутривластная обстановка в Иране в этот период не способствовала укреплению советско-иранских отношений и росту влияния Москвы. Те ожидания в отношении новой России, на которые первоначально указывал Ротштейн, постепенно проходили. Советская интервенция в Гилян напоминала о российском империалистическом прошлом, а коммунистическая идеология не находила поддержки у населения и вызывала опасения правящих слоев. Недовольство многолетним господством британцев уступало место трезвому расчету, во всяком случае в правительственных кругах. Так, даже правительство Кавам эс-Салтане, ведя переговоры с американцами и публично дистанцируясь от Великобритании, в то же время неоднократно обращалось за финансовой помощью к британскому представительству и Шахиншахскому банку [42, 43].

Керзон, раздосадованный провалом своей политики в отношении Ирана, первоначально выступал против предоставления займов Тегерану, но затем его позиция смягчилась. После победы шахских войск в Гиляне Лондон посчитал, что он может положиться на Реза-хана в противодействии распространению советского влияния и коммунистической идеологии в Иране. В поддержку этого мнения выступал и новый британский посланник Перси Лорейн [44. Р. 162]. Реза-хану удалось склонить британского посланника на свою сторону, точно так же, как в свое время он сделал это с Ротштейном. Хомаюн Катузиян отмечает способность Реза-хана использовать нужных людей и устанавливать «превосходные» отношения с зарубежными дипломатами на своем пути к власти [45. Р. 280].

В итоге еще в декабре 1921 г. АПНК в рамках соглашения Армитажа-Смита выплатила иранскому правительству 808 тыс. фунтов стерлингов [46. Р. 244]. Кроме того, Лондон подтолкнул АПНК к за-

ключению соглашения со «Стандарт ойл», вынудив тем самым Тегеран аннулировать уже одобренную концессию. И хотя в марте 1922 г. Ирану удалось получить займ в 1 млн долл. от финансового конгломерата J.P. Morgan & Co [47. Л. 25–26], этого было недостаточно, чтобы отказаться от финансовых услуг англичан.

В свою очередь Москва не имела серьезных экономических ресурсов, которые могли бы повлиять на позицию Тегерана. Советско-иранской торговле требовались годы для восстановления от послевоенной разрухи. Кроме того, новый формат российской внешнеэкономической политики вызывал недовольство как официального Тегерана, так и иранского купечества. И хотя в дальнейшем Москва пошла на ряд уступок иранской стороне, серьезные разногласия между ними продолжали сохраняться и привели к затягиванию переговоров по заключению торгового договора более чем на пять лет. Аналогично годами не могли решиться и некоторые другие проблематичные вопросы двухсторонних отношений (о рыбных промыслах, таможенных пошлинах, пограничном водопользовании и др.).

Правительство Мошир од-Доуле, на которое Ротштейн возлагал большие надежды, с одной стороны, отправило в Москву делегацию для ведения торговых переговоров и предоставило советской стороне право на проведение весенней путины на рыбных промыслах юга Каспийского моря, но с другой – предприняло ряд откровенно антисоветских шагов.

Дело в том, что Иран в это время сотрясала волна антиправительственных восстаний (Иранский Азербайджан, Гилян, Хамадан и Луристан). В таких условиях Тегеран, опасаясь поддержки Москвой повстанцев, дал инструкции местным властям следить за деятельностью советских консулов. Советские торговые органы столкнулись с затруднениями, создаваемыми иранской администрацией, а российские граждане подвергались физическому насилию и отъему имущества. Кроме того, иранские власти поддерживали деятельность комитета русских белогвардейцев, а в Гиляне, забыв об амнистии, проводили аресты лиц, причастных к событиям 1920–1921 гг. [48. Л. 281–282; 49. Л. 166–167].

В итоге, когда весной 1922 г. в иранской прессе началась кампания, направленная против режима военного положения и Реза-хана, Ротштейн, будучи недовольным новым правительством, решил ей воспользоваться. Когда в начале марта 1922 г. редакция закрытой правительством газеты «Туфан» села в бестерритории советской миссии, полпред, несмотря на публичное заявление о нейтралитете, фактически оказал ей поддержку [49. Л. 171–172]. В конечном счете 23 мая 1922 г. Мошир од-Доуле, столкнувшись с острой нехваткой финансов, общественными протестами и недовольством Реза-хана, подал в отставку. Новым премьер-министром вновь стал Кавам эс-Салтане, однако к этому времени полпред был вынужден покинуть Тегеран.

Еще 17 ноября 1921 г. Политбюро ЦК РКП(б), на фоне скандала вокруг разгрома гилянской республики, постановило запросить Ротштейна об удобном для него сроке выезда в Москву на совещание. Однако

ввиду того, что советско-иранский договор еще рассматривался в меджлисе, выезд было решено отложить. После ратификации договора Политбюро постановило вызвать полпреда в Москву и назначить его заместителем Б.З. Шумяцкого, который прибыл в Тегеран 29 апреля 1922 г.

Сам Ротштейн на пути в Москву 30 мая 1922 г. в интервью газете «Бакинский рабочий» заявил, что провел в Иране большую работу по борьбе с «предубеждениями и опасениями» и освободил важные политические и экономические позиции от «противников» (англичан). В своей записке в Политбюро ЦК РКП(б) полпред отметил, что заслуживает «не порицания, а одобрения и поддержки» и приписал своему влиянию (на наш взгляд, безосновательно) расформирование южно-персидских стрелков, высылку английских инструкторов и советников и формального аннулирования договора 1919 г. [50]. Однако Политбюро 29 июня 1922 г. приняло решение об отстранении его от работы в Иране.

Деятельность Ф.А. Ротштейна на посту советского полпреда в Иране пришлась на переломное время во взаимоотношениях двух стран, которое определило их контуры на последующие годы. Став первым официально признанным иранскими властями дипломатическим представителем новой России, Ротштейн за год с небольшим своего пребывания в Тегеране сумел повлиять на формировавшиеся межгосударственные отношения.

Изучая деятельность Ф.А. Ротштейна, прежде всего, нельзя не заметить его активного участия во внутриполитической жизни Ирана и влияния на эту деятельность личных взглядов. Федора Ароновича нельзя отнести к простому исполнителю директив Москвы. Ориентируясь на решения высших инстанций, он дополнял их своим видением ситуации. Обладая твердым характером, полпред умел настаивать на своей точке зрения и не боялся конфликтов с высокопоставленными лицами большевистского руководства, нажив себе немало недоброжелателей, – позиция, которая в конечном счете способствовала его отставке.

Полагаясь на личные контакты с представителями иранской политической элиты, Ротштейн повел жесткий и последовательный курс на ликвидацию гилианской республики. Действительно, в условиях вывода британских войск с территории Ирана продолжающаяся поддержка Гиляна вызывала недовольство иранской стороны. Однако, как выяснилось позже, республика была тем рычагом влияния, который делал Тегеран более сговорчивым и который Москве оказалось трудно заменить. Кроме того, советская сторона, совершив вооруженную интервенцию в Гилян, с одной стороны, посеяла сомнение в искренности своей политики в иранских правящих кругах, а с другой – фактически способствовал падению республики и

гибели центральной фигуры дженгелийского движения – Кучек-хана, показала себя и ненадежным союзником. И это не могло быть в последующие годы компенсировано экономической составляющей (прежде всего объемом двухсторонней торговли). В свою очередь для Реза-хана уничтожение гилианской республики стало важным шагом на пути к высшей власти в стране, достигнув которой, он стал проводить политику, направленную в том числе и на ослабление советского влияния в Иране.

Аналогично курс Ротштейна на установление личных связей с ведущими фигурами иранской политики повлиял и на его отношение к иранской компартии, профсоюзам и тем, кого в советской терминологии тех лет называли демократическими элементами. Не видя в них серьезной политической силы, полпред первоначально не уделял им достаточного внимания и лишь в последующем вынужден был изменить свою позицию и приступить к созданию политического объединения, впоследствии получившим название «Национальный блок», в котором преемник Ротштейна Б.З. Шумяцкий попытался, правда безуспешно, найти опору советской политики в Иране.

Время показало ошибочность некоторых установок Ротштейна, а критика оппонентов не позволила ему задержаться на посту полпреда. В итоге, добившись ратификации советско-иранского договора и ликвидации гилианской республики, Ротштейн вынужден был покинуть Иран. При этом существовали и объективные факторы, препятствующие росту влияния Советской России в этой стране и усилению двухсторонних связей: финансовая нужда иранского правительства (и неспособность Москвы ее удовлетворить); ориентация Тегерана на привлечение третьей силы в страну; неприятие правящими слоями коммунистической идеологии и их опасениями северного соседа, усиленными советским вторжением в Гилян.

Несмотря на краткосрочность пребывания Ф.А. Ротштейна в Иране, следует отметить, что при его участии закладывались основы советско-иранских отношений, повлиявшие на их ход в последующие годы. Был ратифицирован советско-иранский договор, произошло изменение отношения Москвы к проблеме северной нефти, были заложены основы «Национального блока» – проводника коминтерновской стратегии «единого антиимпериалистического фронта» в Иране, началось выстраивание системы личных контактов советских дипломатов с представителями иранской политической элиты. Произшедшая замена Ф.А. Ротштейна Шумяцким не привела к изменению советской политики в отношении Ирана, которая теперь была направлена на создание централизованной, независимой и дружественной Советской России страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арабаджян З.А. Иран: противостояние империям (1918–1941). М. : ИВ РАН, 1996. 224 с.
2. Володарский М.И. Советы и их южные соседи Иран и Афганистан (1917–33 гг.). London : Overseas Publications Interchange Ltd., 1995. 242 с.
3. Chaqueri Cosroe. The Soviet Socialist Republic of Iran, 1920–1921: Birth of the Trauma. University of Pittsburgh Press, Pittsburgh and London, 1995. 649 p.
4. Генис В.Л. Красная Персия: Большевики в Гиляне, 1920–1921: документальная хроника. М. : МНПИ, 2000. 559 с.

5. Dispatch. Mr. Norman to Earl Curzon. Tehran, June 6, 1921 // British Documents on Foreign affairs: reports and papers from the Foreign Office confidential print. Pt. II, From the First to the Second World War., Ser. B Turkey, Iran and the Middle East, 1918–1939, Vol. 17. Persia II: A troubled year, July 1921 – June 1922 / Editor Robin Bidwell. [Frederick, Md.] : University publications of America, 1990. P. 46–49.
6. Tulsiram Ideology in Soviet-Iranian relations (Lenin to Stalin). New Delhi: Institute for Media Communication, 2003. 215 p.
7. Копия записки Ф.А. Ротштейна Г.В. Чичерину от 20.07.1921 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 159. Оп. 2. Д. 51. Л. 23–29.
8. Telegram. Mr. Norman to Earl Curzon. Tehran, July 1, 1921. // British Documents on Foreign affairs... Vol 17. [Frederick, Md.]: University publications of America, 1990. P. 9.
9. Записка Д.Ю. Гопнера Чичерину от 23.12.1921 г. // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2153. Л. 106–110.
10. Копия письма В.Г. Тардова Л.М. Карахану от 19.02.1922 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р 5402. Оп. 1. Д. 423. Л. 6–10.
11. Доклад ЦК ИКП в Восточный отдел Исполкома Коминтерна // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 90. Д. 59. Л. 1–7 об.
12. Копия письма из НКВД Ротштейну от 09.08.1921 г. // Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВПРФ). Ф. 04. Оп. 18, пап. 110. Д. 50653. Л. 12–17.
13. Копия письма из НКВД Ротштейну от 04.10.1921 г. // АВПРФ. Ф. 4. Оп. 18. Пап. 110. Д. 50653. Л. 46–54.
14. Копия записки Ротштейна Чичерину от 17.10.1921 г. // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2153. Л. 41–50.
15. Копия доклада Ротштейна Чичерину от 30.01.1922 г. // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2153. Л. 143–151.
16. Копия записки Чичерина в Политбюро ЦК РКП(б) // РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 51. Л. 127–128.
17. Справочно-информационный материал // АВПРФ. Ф. 4. Оп. 18. Пап. 110. Д. 50663. Л. 18–28 об.
18. Телеграмма Левина Чичерину от 30.04.1921 г. // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2198. Л. 13.
19. Телеграмма Ротштейна Чичерину от 15.05.1921 г. // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2198. Л. 15.
20. Телеграмма Ротштейна Чичерину от 19.05.1921 г. // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2198. Л. 18.
21. Телеграмма Чичерина М.Д. Гусейнову от 17.07.1921 г. // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2097. Л. 26.
22. Записка Чичерина В.И. Ленину от 10.11.1921 г. // РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 51. Л. 133–134.
23. Копия записки Ротштейна Чичерину от 08.10.1921 г. // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2153. Л. 28–40.
24. Копия доклада Хавина Чичерину от 28.10.1921 г. // РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 51. Л. 43–54.
25. Записка Ротштейна Чичерину от 15.12.1921 г. // РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 51. Л. 73–83.
26. Копия записки Ротштейна Чичерину от 24.10.1921 г. // РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 51. Л. 38–42.
27. Fred Halliday. The Iranian Left in international perspective // Reformers and Revolutionaries in Modern Iran: New perspectives on the Iranian Left / ed. by Stephanie Cronin. London ; New York : Taylor & Francis e-Library, 2004. P. 19–36.
28. Письмо шестое Гопнера Чичерину от 09.10.1921 г. // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2153. Л. 76–79.
29. Записка И.В. Сталина Ленину // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2153. Л. 105.
30. Сводка Информбюро Персии от 18.09.1921 г. // АВПРФ. Ф. 94. Оп. 5. Пап. 106. Д. 31. Л. 151–163.
31. Нота Чичерина Мошавер-оль-Мемалеку от 29.10.1921 г. // Документы внешней политики СССР / МИД СССР; д-р экон. наук А.А. Громыко и др. М. : Госполитиздат, 1960. Т. IV. С. 449–450.
32. Телеграмма Ротштейна Чичерину от 25.11.1921 г. // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2198. Л. 89.
33. Справочно-информационный материал В.П. Осетрова от 26.01.1922 г. // АВПРФ. Ф. 94. Оп. 4. Пап. 105. Д. 1. Л. 148–154.
34. Dispatch. Sir P. Loraine to the Marquess Curzon of Kedleston. Tehran, May 7, 1922 // British Documents on Foreign affairs... Vol. 17. [Frederick, Md.] : University publications of America, 1990. P. 363–370.
35. Telegram. Mr. Bridgeman to the Marquess Curzon of Kedleston. Tehran, December 8, 1921 // British Documents on Foreign affairs... Vol 17. [Frederick, Md.] : University publications of America, 1990. P. 151.
36. Копия записки Ротштейна от 08.11.1921 г. // РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 51. Л. 69–72.
37. Записка Ротштейна Чичерину от 21.12.1921 г. // РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 51. Л. 88–91.
38. Записка Чичерина Ленину от 06.12.1921 г. // РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 51. Л. 144.
39. Записка Чичерина в Политбюро ЦК РКП(б) от 16.01.1922 г. // РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 51. Л. 147.
40. Документы внешней политики СССР / М-во иностранных дел СССР; д-р экон. наук А.А. Громыко и др. М. : Госполитиздат, 1960. Т. IV. 836 с.
41. Телеграмма Ротштейна Чичерину для передачи Коминтерну, копия Сталину от 20.01.1922 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 90. Д. 57. Л. 42.
42. Telegram. Mr. Bridgeman to the Marquess Curzon of Kedleston. Tehran, October 6, 1921 // British Documents on Foreign affairs... Vol. 17. [Frederick, Md.] : University publications of America, 1990. P. 80–81.
43. Telegram. Mr. Bridgeman to the Marquess Curzon of Kedleston. Tehran, October 24, 1921 // British Documents on Foreign affairs... Vol. 17. [Frederick, Md.] : University publications of America, 1990. P. 135–136.
44. Houshang Sabahi. British policy in Persia, 1918–1925. London : Frank Cass and company limited, 1990. 269 p.
45. Noma Katouzian. State and Society in Iran: The Eclipse of the Qajars and the Emergence of the Pahlavis. London : I.B. Tauris, 2006. 351 p.
46. Mohammad Gholi Majd. Great Britain and Reza Shah: the plunder of Iran, 1921–1941. Gainesville, FL. : University Press of Florida, 2001. 429 p.
47. Политический бюллетень № 4 Полпредства РСФСР в Персии, март 1922 г. // АВПРФ. Ф. 4. Оп. 18. Пап. 113. Д. 50713. Л. 22–52.
48. Справка Осетрова «Кризис кабинета в Персии» от 15.06.1922 г. // АВПРФ. Ф. 94. Оп. 4. Пап. 105. Д. 1. Л. 273–291.
49. Записка Карахана Ленину от 29.05.1922 г. с прилагаемым письмом (копией) Б.З. Шуляцкого от 21.05.1922 г. // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2153. Л. 152–188.
50. Копия записки Ротштейна в Политбюро ЦК РКП(б) // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2153. Л. 189–191.

Статья представлена научной редакцией «История» 18 ноября 2016 г.

T.A. ROTHSTEIN AND THE FIRST STEPS OF SOVIET DIPLOMACY IN IRAN (1921–1922)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 414, 52–61.

DOI: 10.17223/15617793/414/8

Yury A. Demin, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: yademin1980@yandex.ru; ddeminzz@mail.ru

Keywords: Iran; T.A. Rothstein; Soviet-Iranian relations.

The article considers the activities of Theodore Aronovich Rothstein as a Soviet plenipotentiary in Iran. They took place at the turning point in the history of both countries and made an important contribution to the development of Soviet-Iranian relations. Having considerable experience in socio-political activity, Rothstein took an active part in the political life of Iran, and his strong character affected the nature of his decisions. The internal political situation in both Soviet Russia and Iran demanded Rothstein's immediate and decisive actions. So, despite the establishment of diplomatic relations with Iran, a part of the Bolshevik leaders continued to support the Soviet Republic in Gilan. Rothstein made many efforts to stop that support and took an active part in the process of liquidation of the self-declared state. Meanwhile, some serious internal political changes were happening in Iran. The British post-war

occupation of Iran ended, and Rothstein got immediately involved in the active socio-political life of the country. Using the press and his contacts with the Iranian political establishment, the Soviet plenipotentiary tried to solve two main tasks: to weaken the British influence in Iran and to strengthen Soviet-Iranian relations. The February coup d'état in Iran in 1921 made the Cossack officer Reza Khan an important figure in the Iranian political life, and Rothstein made many efforts to win him over. Rothstein's position in the liquidation of the Soviet Republic of Gilan promoted the strengthening of Reza Khan's influence and became an important step on his way to the supreme power in Iran. Rothstein overestimated his personal influence on the Iranian ruling elite, and the collapse of the Soviet Republic of Gilan revealed the relative weakness of the Soviet influence in that country. As a result, the Soviet plenipotentiary had to begin establishing a political union, which later became known as the National Block. Having created the coalition of the Social Democratic and the Communist parties, labor unions and the press, Rothstein contributed to the overthrowing of the government of Qavam al-Saltaneh, hoping that his successor would establish closer relations with Soviet Russia and carry out some reforms. But those Rothstein's hopes were not realized, and in a few months he had to leave Iran. Time showed the falseness of some Rothstein's views, and the current situation hampered the successful realization of the assigned tasks. In spite of the sharp criticism, Rothstein promoted the ratification of the Soviet-Iranian Treaty and the change of Moscow's attitude toward the problem of the oil fields in Northern Iran. With his participation the foundations of the National Block were laid, and the formation of the system of relations of the Soviet representatives with the representatives of the Iranian political elite started. Because of his vigorous activity and outstanding personality, Rothstein went down in the history of Soviet-Iranian relations as one of the most famous Soviet plenipotentiaries.

REFERENCES

1. Arabadzhyan, Z.A. (1996) *Iran: protivostoyanie imperiyam (1918–1941)* [Iran: Confronting the Empires (1918–1941)]. Moscow: Institute of Oriental Studies, RAS.
2. Volodarskiy, M.I. (1995) *Sovety i ikh yuzhnye sosedni Iran i Afganistan (1917–33 gg.)* [The Soviets and their southern neighbors Iran and Afghanistan (1917–1933)]. London: Overseas Publications Interchange Ltd.
3. Chaqueri Cosroe. (1995) *The Soviet Socialist Republic of Iran, 1920–1921: Birth of the Trauma*. Pittsburgh; London: University of Pittsburgh Press.
4. Genis, V.L. (2000) *Krasnaya Persiya: Bol'sheviki v Gilyane, 1920–1921: dokumental'naya khronika* [Red Persia: The Bolsheviks in Gilan, 1920–1921: a documentary chronicle]. Moscow: MNPI.
5. Bidwell, R. (ed.) (1990) Dispatch. Mr. Norman to Earl Curzon. Tehran, June 6, 1921. In: *British Documents on Foreign affairs: reports and papers from the Foreign Office confidential print*. Pt. II, From the First to the Second World War, Ser. B Turkey, Iran and the Middle East, 1918–1939, Vol. 17, Persia II: A troubled year, July 1921 – June 1922. Frederick, Md.: University publications of America.
6. New Delhi Institute of Media Communication. (2003) *Tulsiram Ideology in Soviet-Iranian relations (Lenin to Stalin)*. New Delhi: Institute for Media Communication.
7. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 159. List 2. File 51. pp. 23–29. *Kopiya zapiski F.A. Rotshteyna G.V. Chicherinu ot 20.07.1921 g.* [A copy of the note of T.A. Rothstein to G.V. Chicherin, 20.07.1921].
8. Bidwell, R. (ed.) (1990) Telegram. Mr. Norman to Earl Curzon. Tehran, July 1, 1921. In: *British Documents on Foreign affairs: reports and papers from the Foreign Office confidential print*. Pt. II, From the First to the Second World War, Ser. B Turkey, Iran and the Middle East, 1918–1939, Vol. 17, Persia II: A troubled year, July 1921 – June 1922. Frederick, Md.: University publications of America.
9. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 5. List 1. File 2153. pp. 106–110. *Zapiska D.Yu. Gopnera Chicherinu ot 23.12.1921 g.* [Note of D.Yu. Gopner to Chicherin, 23.12.1921].
10. State Archive of the Russian Federation. Fund R 5402. List 1. File 423. pp. 6–10. *Kopiya pis'ma V.G. Tardova L.M. Karakhanu ot 19.02.1922 g.* [A copy of the letter of V. Tardov to L.M. Karakhan, 19.02.1922].
11. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 495. List 90. File 59. pp. 1–7 rev. *Doklad TsK IKP v Vostochnyy otdel Ispolkoma Komintern* [Report of the Central Committee of the ICP to the Eastern Division of the ECCI].
12. Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation (AVPRF). Fund 04. List 18. Folder 110. File 50653. pp. 12–17. *Kopiya pis'ma iz NKID Rotshteynu ot 09.08.1921 g.* [A copy of the letter of Rothstein to the People's Commissariat for Foreign Affairs, 09.08.1921].
13. Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation (AVPRF). Fund 4. List 18. Folder 110. File 50653. pp. 46–54. *Kopiya pis'ma iz NKID Rotshteynu ot 04.10.1921 g.* [A copy of the letter from the People's Commissariat for Foreign Affairs to Rothstein, 04.10.1921].
14. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 5. List 1. File 2153. pp. 41–50. *Kopiya zapiski Rotshteyna Chicherinu ot 17.10.1921 g.* [A copy of the note from Rothstein to Chicherin, 17.10.1921].
15. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 5. List 1. File 2153. pp. 143–151. *Kopiya doklada Rotshteyna Chicherinu ot 30.01.1922 g.* [A copy of the report from Rothstein to Chicherin, 30.01.1922].
16. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 159. List 2. File 51. pp. 127–128. *Kopiya zapiski Chicherina v Politbyuro TsK RKP(b)* [A copy of the note of Chicherin to the Politburo of the RCP (B)].
17. Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation (AVPRF). Fund 4. List 18. Folder 110. File 50663. pp. 18–28 rev. *Spravочно-informatsionnyy material* [Reference information material].
18. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 5. List 1. File 2198. pp. 13. *Telegramma Levina Chicherinu ot 30.04.1921 g.* [Telegram. Chicherin to Levin, 30.04.1921].
19. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 5. List 1. File 2198. pp. 15. *Telegramma Rotshteyna Chicherinu ot 15.05.1921 g.* [Telegram. Rothstein to Chicherin, 15.05.1921].
20. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 5. List 1. File 2198. pp. 18. *Telegramma Rotshteyna Chicherinu ot 19.05.1921 g.* [Telegram. Rothstein to Chicherin, 19.05.1921].
21. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 5. List 1. File 2097. pp. 26. *Telegramma Chicherina M.D. Guseynovu ot 17.07.1921 g.* [Telegram. Chicherin to M.D. Guseynov, 17.07.1921].
22. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 159. List 2. File 51. pp. 133–134. *Zapiska Chicherina V.I. Leninu ot 10.11.1921 g.* [Note of Chicherin to V.I. Lenin of 10.11.1921].
23. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 5. List 1. File 2153. pp. 28–40. *Kopiya zapiski Rotshteyna Chicherinu ot 08.10.1921 g.* [A copy of the note of Rothstein to Chicherin of 08.10.1921].
24. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 159. List 2. File 51. pp. 43–54. *Kopiya doklada Khavina Chicherinu ot 28.10.1921 g.* [A copy of the report from Khavin to Chicherin of 28.10.1921].
25. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 159. List 2. File 51. pp. 73–83. *Zapiska Rotshteyna Chicherinu ot 15.12.1921 g.* [Note of Rothstein to Chicherin of 15.12.1921].
26. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 159. List 2. File 51. pp. 38–42. *Kopiya zapiski Rotshteyna Chicherinu ot 24.10.1921 g.* [A copy of the note of Rothstein to Chicherin of 24.10.1921].

27. Halliday, F. (2004) The Iranian Left in international perspective. In: Cronin, S. (ed.) *Reformers and Revolutionaries in Modern Iran: New perspectives on the Iranian Left*. London; New York: Taylor & Francis e-Library.
28. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 5. List 1. File 2153. pp. 76–79. *Pis'mo shestoe Gopnera Chicherinu ot 09.10.1921 g.* [Letter 6 from Gopner to Chicherin of 09.10.1921].
29. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 5. List 1. File 2153. pp. 105. *Zapiska I.V. Stalina Leninu* [Note of I.V. Stalin to Lenin].
30. Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation (AVPRF). Fund 94. List 5. Folder 106. File 31. pp. 151–163. *Svodka Informbyuro Persii ot 18.09.1921 g.* [Summary of Persia's Information Office, 18.09.1921].
31. Gromyko, A.A. et al. (1960) *Nota Chicherina Moshaver-ol'-Memaleku ot 29.10.1921 g.* [Note Chicherin's note to Moshaver-ol-Mamalek of 29.10.1921]. In: *Dokumenty vneshney politiki SSSR* [Documents of Soviet foreign policy]. Vol. 4. Moscow: Gospolitizdat.
32. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 5. List 1, l. 2198. pp. 89. *Telegramma Rotshteyna Chicherinu ot 25.11.1921 g.* [Telegram. Rothstein to Chicherin of 25.11.1921].
33. Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation (AVPRF). Fund 94. List 4. Folder 105. File 1. pp. 148–154. *Spravочно-informatsionnyy material V.P. Osetrova ot 26.01.1922 g.* [Reference information material of V.P. Osetrov of 26.01.1922].
34. Bidwell, R. (ed.) (1990) Dispatch. Sir P. Loraine to the Marquess Curzon of Kedleston. Tehran, May 7, 1922. In: *British Documents on Foreign affairs: reports and papers from the Foreign Office confidential print*. Pt. II, From the First to the Second World War, Ser. B Turkey, Iran and the Middle East, 1918–1939, Vol. 17, Persia II: A troubled year, July 1921 – June 1922. Frederick, Md.: University publications of America.
35. Bidwell, R. (ed.) (1990) Telegram. Mr. Bridgeman to the Marquess Curzon of Kedleston. Tehran, December 8, 1921. In: *British Documents on Foreign affairs: reports and papers from the Foreign Office confidential print*. Pt. II, From the First to the Second World War, Ser. B Turkey, Iran and the Middle East, 1918–1939, Vol. 17, Persia II: A troubled year, July 1921 – June 1922. Frederick, Md.: University publications of America.
36. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 159. List 2. File 51. pp. 69–72. *Kopiya zapiski Rotshteyna ot 08.11.1921 g.* [A copy of Rothstein's note of 08.11.1921].
37. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 159. List 2. File 51. pp. 88–91. *Zapiska Rotshteyna Chicherinu ot 21.12.1921 g.* [Rothstein's note to Chicherin from 21.12.1921].
38. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 159. List 2. File 51. pp. 144. *Zapiska Chicherina Leninu ot 06.12.1921 g.* [Chicherin's note to Lenin on 06.12.1921].
39. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 159. List 2. File 51. pp. 147. *Zapiska Chicherina v Politbyuro TsK RKP(b) ot 16.01.1922 g.* [Chicherin's note to the Politburo of the RCP (B) of 16.01.1922].
40. Gromyko, A.A. et al. (1960) *Dokumenty vneshney politiki SSSR* [Documents of Soviet foreign policy]. Vol. 4. Moscow: Gospolitizdat.
41. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 495. List 90. File 57. pp. 42. *Telegramma Rotshteyna Chicherinu dlya peredachi Kominternu, kopiya Stalinu ot 20.01.1922 g.* [Telegram. Rothstein to Chicherin to transfer it to the Comintern, a copy of Stalin, 20.01.1922].
42. Bidwell, R. (ed.) (1990) Telegram. Mr. Bridgeman to the Marquess Curzon of Kedleston. Tehran, October 6, 1921. In: *British Documents on Foreign affairs: reports and papers from the Foreign Office confidential print*. Pt. II, From the First to the Second World War, Ser. B Turkey, Iran and the Middle East, 1918–1939, Vol. 17, Persia II: A troubled year, July 1921 – June 1922. Frederick, Md.: University publications of America.
43. Bidwell, R. (ed.) (1990) Telegram. Mr. Bridgeman to the Marquess Curzon of Kedleston. Tehran, October 24, 1921. In: *British Documents on Foreign affairs: reports and papers from the Foreign Office confidential print*. Pt. II, From the First to the Second World War, Ser. B Turkey, Iran and the Middle East, 1918–1939, Vol. 17, Persia II: A troubled year, July 1921 – June 1922. Frederick, Md.: University publications of America.
44. Sabahi, H. (1990) *British policy in Persia, 1918–1925*. London: Frank Cass and company limited.
45. Katouzian, H. (2006) *State and Society in Iran: The Eclipse of the Qajars and the Emergence of the Pahlavis*. London: I.B. Tauris.
46. Majd, M.G. (2001) *Great Britain and Reza Shah: the plunder of Iran, 1921–1941*. Gainesville, FL.: University Press of Florida.
47. Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation (AVPRF). Fund 4. List 18. Folder 113. File 50713. pp. 22–52. *Politicheskii byulleten' № 4 Polpredstva RSFSR v Persii, mart 1922 g.* [Political Newsletter 4 of the RSFSR embassy in Persia, March 1922].
48. Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation (AVPRF). Fund 94. List 4. Folder 105. File 1. pp. 273–291. *Spravka Osetrova "Krizis kabineta v Persii" ot 15.06.1922 g.* [Osetrov's note "Crisis of the Cabinet in Persia" of 15.06.1922].
49. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 5. List 1. File 2153. pp. 152–188. *Zapiska Karakhana Leninu ot 29.05.1922 g. s prilagaemym pis'mom (kopiyey) B.Z. Shumyatskogo ot 21.05.1922 g.* [Note of Karakhan to Lenin of 29.05.1922, with an attached letter (copy) of B.Z. Shumyatsky from 21.05.1922].
50. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 5. List 1. File 2153. pp. 189–191. *Kopiya zapiski Rotshteyna v Politbyuro TsK RKP(b)* [Copy of Rothstein's note to the Politburo of the Central Committee of the RCP (b)].

Received: 18 November 2016